

1914

18 июля была объявлена мобилизация. У военного начальника в г. Новочеркасске, где тогда я проживал со всей моей семьей, состоящей из матери моей Анны, бабушки Шушаник, меня, жены моей Шушаники, братьев Сергея и Степана и сестрицы Марии, меня по разбивке назначили в г. Владикавказ в 261-й пехотный Ахульчинский полк. Первая партия должна была выехать 20-го июля, воскресенье в 5 ч 40 мин дня команда №2.

Провожать приехали из Сулина зять Артём с сестрицей моей Магдалиной. Наскоро приготовившись в дорогу, я последний раз (быть может) приятно провёл время в кругу своих родных и жены, с которой после свадьбы прожил всего лишь 45 дней, пообедав и, затем, напившись чаю в 4 часа мы все направились к вокзалу, где уже был подан поезд для запасных...

Народу было много — все вышли провожать своих. Настал час разлуки и мне, дали третий звонок, и я, расцеловавшись и попрощавшись с родными, сел в вагон. Поезд тронулся... Наши все прослезились и я тоже не выдержал... Но пришлось крепиться и покоряться судьбе. Россия встала на защиту угнетённых братьев Славян, и надо было стать за честь и достоинство св. Руси.

22 июля. Поезд наш подошел к ст. Владикавказ к 6 ч. вечера. Нас на вокзале встретили офицеры и несколько нижних чинов из 81-го Апшеронского полка. Направились командой через город к кадетскому корпусу, где, не доходя, по левую сторону Военно-Грузинской дороги, нас разбили по ротам. Меня с разбивки назначили за ротного писаря в 8-ю роту. Ахульчинский полк был вновь сформирован, и по случаю этого 25-го июля было отслужено торжественное богослужение и вручено знамя 261-го Ахульчинского полка.

28 июля последовало распоряжение о выступлении 2-го батальона из Владикавказа по железной дороге.

1 августа. Рота выехала из города Владикавказа в Эривань, куда прибыла 6-го августа. По дороге во время длительных стоянок на станциях я заезжал в город Елизаветполь с подпрапорщиком Трофимом Мелиховым и вольноопределяющимся младшим унтер-офицером Петром Васильевичем Попилиным (Попилин из г. Ростова, угол Садовой и Никольской ул.), посмотрели на город и зашли в кондитерскую, где выпили чаю и вновь возвратились на станцию. В Эривани наша рота разместилась по казармам и мы пробыли всего в Эриване до 15 августа.

15 августа 2-й батальон нашего полка выступил на охрану железной дороги. 8-й роте был назначен участок железнодорожной линии Закавказской ж. д. от Мухляни — Самтреды — до Поти. Проезжая через Тифлис, я заходил к Леону Микиртычеву, проведал их. Он очень обрадовался и не ожидал меня. Жили они на улице 19-го февраля, №42.

Тифлис. Фото М.С. Проскурина-Горского, 1912 г.

Канцелярия 8-й роты оставалась на ст. Самтреди, где находился и Временный Командующий ротой прапорщик Ваган Михайлович Оганянц. Наш же Командир роты Шатбе Капитан Николай Иванович Семенов, заболев, остался во Владикавказе. В бытность в Самтреди мне пришлось побывать на ст. Михайлов, в гор. Батуми, куда я ездил по делам службы. Был в г. Поты, где на берегу моря наша рота производила учебную стрельбу. На линии ж.д. мы пробыли до 12-го сентября 1914 г.

12 сентября рота выехала в Эривань, куда прибыли 15-го числа и со станции выступили в сел. Канакиры, в 5-ти верстах от Эривани, около которого стояли лагерем. Всё время велись усиленные занятия. Там же стоял и 262 пехотный Грозненский полк и дивизия артиллерии 66 пехотной артиллерийской бригады, 66 пехотной дивизии. 1-я бригада вошла в состав Эриванского отряда. 30-го сентября Эриванскому отряду произвёл смотр помощник Главнокомандующего Кавказкой Армией Генерал от Инфантерии Мышлаевский. В Эривани мне часто приходилось видеться с Григорием Сергеевичем Назаровым и Арташесом Акоповым, они были в 1-ой роте нашего полка.

3 октября. 4-го день моего рождения. В субботу я после обеда взял разрешение и вместе с Назаровым, Акоповым и другими поехали извозчиком в Эчмиадзинь, переночевали и на другой день воскресенье слушали богослужение в Эчмиадзинском монастыре. Службу начал епископ, присутствовало около 24-х архиереев, епископов и архиепископов. Затем 12 епископов вышли из монастыря и направились к покоям Патриарха Геора V Суренянца, через некоторое время пожаловал и сам патриарх в сопровождении 12-ти епископов и 2-х телохранителей. День был воскресный, 4 октября, и я, желая ознаменовать день моего рождения, попросил одного из архиереев исповедовать меня, и я причастился св. Таин. После богослужения мы осмотрели все древности монастыря, Академии, Историческую библиотеку, музей и т.п. К вечеру уже мы были в лагере.

10 октября ко мне приехали в Эривань проведать мама и Шушанна (моя жена), которых я пошел привезти со станции. О приезде их

меня уведомили со станции служащие по телефону. Поместил своих в доме мухси Николай по Назаровской улице, д. №28. Приезд своих меня очень обрадовал, и я по окончании занятий посещал их, и так приятно пролетало время, как вдруг — последовало приказание о выступлении отряда на Игдыр. В этот вечер я пригласил к себе Григория Назарова, Арташеса Акопова и Петроса Петросова. Мама приготовила последний прощальный ужин. Шушанна очень запечалилась, узнав о нашем выступлении утром 17-го октября. К ужину пришла хозяйка дома и её дети сын Николай и дочь Ольга. Все пили за наше здоровье, за счастливый поход и за всю Русскую Армию, которой приходилось исполнять свой долг перед Царём и Родиной. Время прошло в разговорах, что нас ждёт впереди и объявлена ли война с Турцией или ещё нет, нам было неизвестно. К 12 часам разошлись, и надо было отдохнуть к предстоящему походу.

17 октября. В 7 часов утра был отслужен на площади в Эривани около собора напутственный молебен. Меня вышли провожать мама и жена. В 8 часов наш полк двинулся по шоссе, ведущей через Эчмиадзин на Игдырь. Наша рота пропела «Спаси Господи» и двинулась... Момент был тяжелый и я не знал, как и чем утешить убитых горем мать и жену, стоящих тут же недалеко. Ещё раз поцеловал маму и Шушаник, попрощался. Они зарыдали... Я же направился с ротой вперёд... И так, до свидания, ещё раз оглянулся, махнул им фуражкой...

17 октября в 8 ч. вечера полк расположился биваком за Эчмиадзином в шести верстах.

18 октября в 7½ ч. утра выступили на Игдырь. В дороге последовало распоряжение приостановить движение к границе в виду возникших с Турцией переговоров. Полк расположился биваком у сел [...]

19 октября в 4 ч. утра по тревоге полк выступил через Игдырь к Турецкой Границе на Чингильский перевал. К 13 ч. мы подошли к сел. Оргов (по левую сторону Арарата в горах) и расположились биваком.
20 октября. Отряд выступил в 8 часов утра. В 3 часа дня перешли

границу Русско-Турецкую. Биваком стали в сел. Карабулах (Турция).

21 и 22 октября. Была дневка. Дул холодный сильный осенний ветер, и как-то на душе было тяжело в неприветливой на первый взгляд Турции. По дороге за Чингилём попадались трупы курдов. Затем мне встречались масса беглецов армян из города Баязета, который был взят нашими 22 октября.

Затем проследовала небольшая партия армян добровольцев в Баязет из России. Солдаты их провожали с криками «Ура». Все сознавали настоящий важный момент, и чувствовалось какое-то единение русской армии с армянским народом, который веками замучен Турками и курдами. И вот настает момент, когда этот истерзанный народ должен быть освобождён и спасен от гибели, весь Армянский народ ждет освобождения от векового гнета и произвола курдов.

Взоры всех обращены на спасительницу всех славян и защитницу их Великую Россию, которая уже поднялась как один человек за братьев, за честь и достоинство нашей Родины. В свою очередь, армянский народ желает оказать посильную ей помощь в этом святом

деле. Да поможет нам Бог.

23 октября выступили дальше и расположились к вечеру биваком у сел. Баракят, по дороге прошли армянское селение Арзан, где видел полуразрушенный старый монастырь.

24 октября в 7 часов отряд выступил на город Диадин. Было получено сведение, что к Диадину подходят турки. Проходя по дороге через Диадинский перевал, попадались трупы убитых курдов. К вечеру расположились биваком у Диадина. Погода днём была теплая, но ночи были холодные и легкие морозы. По приходу на бивак разбивались солдатами палатки, кто идет за сеном или соломой для подстилки, кто по воду для чая, другие тащат кизяки для разведения костра и подкрепившись едой и чаем ложатся спать, утром нам выдавался горячий завтрак и затем двигались вперед.

25 октября. Погода была плохая, лил весь день дождь, по дороге к монастырю Сурп-Оганез была грязь и, в виду плохой погоды, привал у Сурп-Оганеза был отменен, и мы проследовали дальше. Ночлег был назначен у селения Ташлычай-Суфла, но дорога стала тяжелой и раскисла, шел мокрый снег. Обозы двигались с большим трудом, в следствии чего наш отряд не дошел до Ташлычай-Суфлы и расположился биваком у селения Аликор. Все порядочно промокли и устали; разбили палатки и кругом появились костры, от которых дым, расстилаясь по земле, едко ел глаза, кое-как согрели чай и этим немного согрелись. На другой день, 26-го октября в 7 часов отряд двинулся на Ташлычай-Суфла, до которого оставалось всего около шести верст и к 10 часам были уже в Ташлычай-Суфле. Грязь невылазная. Селение очень плохое и жителей почти никого. Здесь нам была дневка. Проходя же ранее мимо Сурп-Оганеза, вышла армянская депутация с хоругвями из монастыря и священником во главе и встретила наш отряд с хлебом-солью и с молитвами...

27 октября в 7 часов утра отряд выступил вперед. Погода всё та же. Мокрый снег и временами дождь. Ночлег был у селения Хазар. Селение Хазар армянское и армяне жители вышли все встречать, у

всех радостные лица и приятное настроение. Кланяются войскам и предлагают квартиры. Расположился отряд биваком ниже селения. В этом селении я и ещё несколько человек солдат пошли в одну из землянок армян и попросили, нельзя ли будет купить у них барана и сварить. Они охотно уступили нам одного барана за небольшую плату, сами же сварили хашламы, напекли для нас лавашу и мы у них же поели приготовленную баранину. А на дворе продолжал лить дождь. Мы расплатились и пошли по палаткам спать. Все армяне жалуются на безвыходное своё положение, курды сильно обидели жителей армян, отступая они всё грабили, уводили молодежь за собой, а также уносили армянских девушек... Многих поубивали мужчин.

28 октября в 9 часов утра выступили вперед на город Кара-Килису. По дороге прошли 2 армянские деревни Зиро и Ёнджагу и к 3 часам дня пришли в Кара-Килису и расположились по обывательским квартирам.

29 октября была дневка.

30 октября в 3 ч. дня послышались выстрелы с Южной стороны Кара-Килисы. Рота была вызвана и заняла позиции. Курды преследовали наш разъезд, но наткнулись на наше сторожевое охранение, огнём которого были отбиты. В 9 часов вечера вернулись по местам. В городе Кара-Килисе большинство жителей армяне, турков и курдов мало, часть их бежала с отступающими турками. При въезде первый раз отряда в город Кара-Килису, наш отряд встретило армянское духовенство с иконами и хоругвями. Солдаты, кто успевал, подходили и прикладывались к иконе и кресту. Время шло в Кара-Килисе в спешной работе, подготовке укреплений и т. п. Были построены полевая хлебопекарня, склады и пр. Но погода все же стояла плохая, и грязь была невылазная. Я как-то услышал колокольный звон и, сейчас же, вспомнилось, что здесь есть и армянская небольшая церковь. День был воскресный и я пошел помолиться, поставил свечи, и, по окончании службы, беседовал со священником о их жизни и как им приятно наконец-то освободиться от турецко-

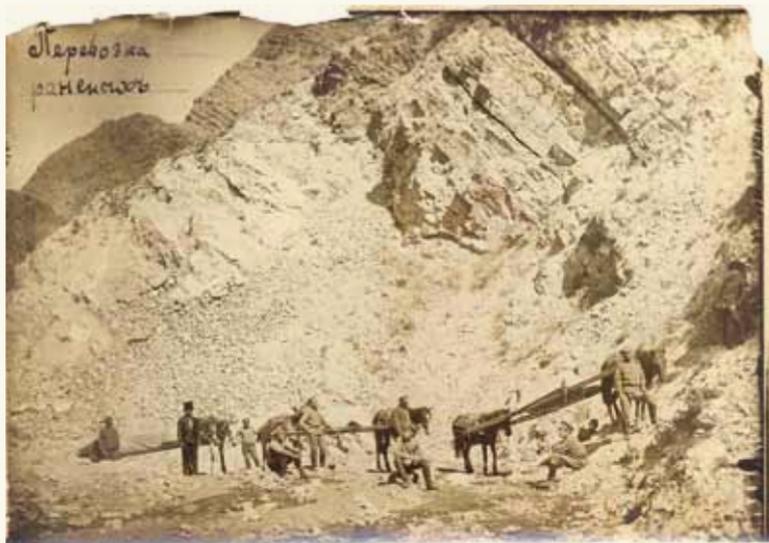
го гнета и жить человеческой жизнью...

На обед меня пригласил к себе домой некий армянин по имени Мкртчя Котандесян, у него сын Манук — оба семейные и живут вместе. Он затем предложил мне для нескольких человек квартиру. На другой день к нему перешло одно отделение нашей роты. Так спокойно прошло время до 6-го ноября. Этого числа в 12 часов ночью наших 2 батальона 2-й и 4-й выступили вперед на перевал Клыч-Гядук.

7 ноября в 7 часов утра прошли деревню Челканы, а через час подошли к перевалу, где встретили отряд Певнева. Наша задача была сбить неприятеля и занять перевал. В цепь были назначены пятая и восьмая роты. К 12 часам дня мы впервые попали под неприятельский огонь. Турки с криками и шумом отступали под нашим дружным натиском и заняли самые высоты перевала. С их стороны были слышны крики «Алга» (значит «вперед»). Но видя энергичное наступление наших они стали уходить с высоты назад. 8-я рота заняла самую высокую гору, где и заночевали. А турки с перевала отступили к деревне Ханык. Наступление наше было очень трудное, все по горной местности. Ночью на перевале был мороз при сильном ветре, в виду этого, часовых меняли через каждые 15 минут. Солдаты по несколько человек рыли себе ямы, чтобы хоть немножко закрыться от пронизывающего ветра.

8 ноября в 12 часов дня нас сменили пластуны 5 пл. бат., а мы ушли назад в деревню Аушту, где и заночевали.

9 ноября выступили из Аушту на перевал и совместно с пластунами должны были занять ближние к перевалу селения Ханык и Севик. Наша рота была назначена к полковому знамени. Скоро начался бой, мы были в резерве со знаменем. Видно турки стреляли с большим прицелом над нами пролетало много пуль. Здесь же была убита лошадь пулеметной команды и солдат той же команда ранен. У нас были ранены два унтер-офицера и шесть рядовых. В этом бою турки были разбиты и в беспорядке отступили к деревням Дерик, Суверти и Рутаны. За наступлением темноты бой прекратился и 8-й роте

было назначено сторожевое охранение левее перевала до Севика.

11-го мы возвратились опять в Аушту на ночлег.

12 ноября было приказано занять селение Ханьк. В 5 часов вечера перешли в наступление и без боя заняли Ханьк, турки поспешно очистили селение, на что указывали не догоревшие костры. Ночевали в Ханьке.

13 ноября. С утра турки стали наступать на Ханьк. Наш батальон занял позиции к югу от Ханька. В тылу заняли позиции две роты другого батальона. Нам было приказано не вступать в упорный бой и при необходимости отступить к перевалу. После сильной перестрелки, по приказанию комбата, рота отступила назад на более удобную позицию. Заметя отход, турки стали нас преследовать. Расстояние между нами и турками доходило до 100 шагов. Нашим огнём турки были отбиты назад. В это время неприятель открыл по отходившим на перевал нашим колонам сильный артиллерийский огонь. Снаряды их падали удачно, один снаряд упал в пяти шагах

от роты, но не разрывались, благодаря чему потерь у нас не было. В нашей роте в этом бою были ранены три человека. Эту ночь мы провели на самой высокой горе и было очень холодно и дул ветер.

14 ноября при Кара-Килисе к нам на подкрепление подошли ещё два батальона Грозненского полка. Мы вновь пошли в наступление, в передовой линии были батальоны 2-го полка. Бой начался в 1 час дня. Противник открыл сильный огонь по нашим цепям. Сейчас же Командиром полка было приказано 8-й роте рассыпаться в цепь на поддержку. Противник под нашим натиском не выдержал и постепенно стал отступать. С обеих сторон участвовали орудия. Но снаряды турок ложились метко, но не разрывались, а поэтому и потерь было очень мало. К вечеру турки отступили. С наступлением сумерек были вызваны охотники, чтобы занять Ханык. Под командой Полкового адъютанта поручика Зайцева, охотники направились к Ханыку и заняли его и взяли два орудия. После этого и отряд весь вступил в Ханык. Очевидно, турки не ожидали нашему сильному набегу и были застигнуты врасплох, заперлись в домах и оттуда открыли огонь, но это им обошлось дорого. Тут мы задали им такую потасовку, что им наверно и во сне не снилось... выбегавших или сопротивлявшихся прикалывали штыками или нагоняли казаки и рубили шашками. У многих турок были засучены рукава и руки оказались в муке и тесте, видно занимались выпечкой лавашей... Поели вкусно лавашей... Но потом около двухсот человек их сдались в плен. Многим из них также удалось бежать, что благоприятствовала им темная ночь. В числе бежавших, как говорил пленный артиллерийский капитан-араб, был и начальник турецкого отряда Гусейн-Паша. И так мы заночевали в Ханыке.

В этом бою у нас ранено всего в 8-й роте 4 человека. Пленные турки оказались большинство арабы, которые шли сюда около трех месяцев из Багдада и других дальних провинций Турции, всех их на другой день отправили в Кара-Килису...

15 ноября. Наш отряд выступил в 5 утра, турки без боя отступили на сел. Эсмар и Пирюск. К вечеру наш отряд подошел к гор. Дутах-Кебиру. При нашем приближении из Дутаха бросилась партия кон-

ных курдов за реку Ефрат в горы. На ночлег отряд расположился в Дутахе. Грязь была большая и мы с похода хорошо устали.

16 ноября в 8 часов утра наш отряд выступил из Дутаха. 8-й роте назначена была стоянка в Дерике, куда мы пришли к 1 часу дня. Здесь была партия курдов, и застигнутые врасплох открыли по нам сильный огонь, но были все перебиты. Их было до 50-ти человек.

17 и 18 мы провели спокойно и отдыхали.

19-го начали работу окопов. К вечеру сюда прибыла 2-я армянская дружина под начальством Армена-Каро. Дружина направилась дальше к деревне Тундину, выбила оттуда большую партию курдов и на ночь вернулись в Дерик. В отряде армянской дружины были пешие около 400 человек и около 100 всадников на хороших лошадях. Пешие были разбиты по «хумбам», то есть взводам, и в каждом взводе опытный начальник доброволец. Среди них есть и солдаты армянского полка в качестве отдельных командиров. Затем у них есть свой штаб отряда, заведующий штабом, заведующий хозяйством и т.п. Настроение у всех превосходное и вид бодрый. С добровольцами в 1-м взводе в хумбе Ованеса был и мой друг (из Новочеркасской вокзальной лавки) Григорий Назаров, дядя его Арташес Акопов. Они туда прикомандированы из 1-й роты нашего полка.

С 20-го до 28-го мы устраивали окопы и маскировали их снегом.

28 ноября. Был бой у Дутаха, Пирюска и Эсмара. Наша рота осталась в дер. Дерике для охраны его.

С 29 ноября по 3 декабря время прошло спокойно. Солдаты немного оправились, отдохнули. Пища была у нас в достаточном количестве и мяса сколько угодно. До этого мы отбили у турков около 500 голов баранов, которые были разделены между ротами.

3 декабря. Нашей роте (в порядке очереди) предстояло идти для охраны перевала Глыч-Гядук, который отстоял назад от деревни Дерика около 10 верст. Выступили мы в 8 часов. И пришли на пе-

ревал к 12 часам дня. На перевале были устроены землянки, прямо вырытые в земле и прикрытые землей и сверху снегом. От роты выставлялись сторожевые посты.

3 декабря на перевале были наш Командир полка и Командир Бригады. В полдень пришла полевая артиллерия через перевал и спустилась вниз в долину, называемую Антабской. По всей Антабской долине по селениям стояли наши части войск.

6 декабря. Сегодня наш ротный праздник и нам не приходится торжественно провести его, так как обстоятельства военного времени не позволяют. С перевала нас сменила другая рота, а мы пошли через селение Ханьк в Дерик. В Ханьке нашим полковым священником было отслужено молебствие по случаю ротного праздника 8-й роты. Присутствовали Начальник Дивизии, Бригадный, весь штаб. Были произнесены здравницы за Верховного Вождя, за Армию и за всех Начальствующих лиц. Кричали много «Ура!» по окончании молебствия к 4 часам пришли в Дерик. По дороге встретили пленных больных турок, которых везли на конях казаки.

7 декабря. В 10-м часу утра три роты с нашей 8-й и армянская дружина выступили на Перюск через селение Тундин. Пройдя Тундин, 2 роты пошли в сторону Суверти, Армянская дружина и наша 8-я рота к 3 часам дня подошли к селению Перюск. Армянская дружина и 2 взвода 8-й роты были рассыпаны в цепь и открыли сильный огонь. Наша позиция была на гребне горы (не особенно большой). Под прикрытием огня, из окопов противоположного гребня сотни три конных курдов стали подбираться к подножью нашей горы и придвинулись близко к нашей цепи в 80-ти шагах. Наша цепь, в которой был и я со своим 2-м взводом, была спущена вниз. Только тогда стало всем видно, что у подошвы горы были 300 курдов. Сильным огнем мы сбили курдов, которые в беспорядке ускакали за выступ горы, скрывшей их от наших выстрелов. На месте осталось около 40 человек курдов и несколько лошадей. В середине боя было обнаружено стремление турок обойти наш левый фланг, но они были отбиты вызванным взводом 8 роты и пулеметами. С наступлением тем-

ноты бой прекратился, и мы возвратились в деревню Дерик к 12 часам ночи. В этот день мы сделали в оба конца около 35 верст по горам и снегу и порядочно-таки уморились, но всё же не без пользы.

С 8 декабря по 12-е прошло сравнительно спокойно, за исключением перестрелок с нашими разъездами и курдами. 11-го была сильная перестрелка у наших разъездов с курдами, которые преследовали казаков до Суверди. Курды были отбиты батальоном, расположенным в Суверди.

12-го в 5 часов вечера две роты нашего батальона и полурота 8-й роты совместно с армянской дружиной выступили на Тундин и далее на Перюск, куда дошли к 11 часам вечера, не обнаруживши противника, отряд наш вернулся в Тундин к 2.30 часам ночи.

13 декабря. В 6 часов выступили вновь на Перюск, имелись сведения, что против Пирюска высоты заняты противником. Был сильный мороз и туман. Наша полурота была в резерве. Сильным огнём противник с высоты был сбит и отступил. Бой развивался и у Дутаха, левее Перюска в семи-восьми верстах. Только что рассеялся туман, бой принял ожесточенный характер. Турки упорно держались и старались обойти левый фланг, против них был выслан из резерва I взвод нашей роты. Дружным и метким нашим огнем мы заставили турок приостановить наступление. В этом бою особенно отличились части армянской Дружины, которые смело бросались на турок, приводя их в смятение. Да вообще, все исполняли возложенное на них смело и геройски, и никого не могло устрашить численное превосходство неприятеля. В этот день турки понесли большие потери, с нашей стороны потерь очень мало до 10 человек раненых, из которых один тяжело. В стороне Дутака наши потери немного больше, были убитые и около 20-ти раненых. Участвовали в бою пулеметы и артиллерия. Бой длился до наступления темноты. Турки скрылись, а полурота 8-й роты пришла в Тундин и отдохнула до 11 часов. А затем вернулась в Дерик к 1 часу ночи. На другой день вернулись в Дерик и остальные две роты и армянская дружина.

Во всех боях, когда только участвовал наш командир полка, полковник Потто, он был для всех примером своей храбростью и

неустранимостью и спокойным умением ведения боя. Все солдаты были почему-то уверены, что удача будет всегда на нашей стороне, и Бог действительно помогал нам. До 16 числа было спокойно.

17 декабря. Вечером в 6 часов наш батальон выступил через Ханык на перевал и, затем, в Кара-Килису через Челканы. Пришли в Кара-Килису к 1 часу дня. Никогда я не забуду этот ночной переход, тем более через горы, и я так устал, что не чувствовал под собой ног. Холод был ужасный около -20° ... По дороге тяжелая картина, всюду движутся масса армян беженцев, мужчин, женщин, детей, некоторые дети от холода и усталости падают, и их подбирают наши солдаты и многим способствовали матерям, неся на руках детей, кто идет пешком, кто в саних едет, словом тянутся несчастные беженцы в сторону России, побросав всё своё имущество и жилища. Картина очень тяжёлая и нет слов передать то, чего видно много. Многие старцы и женщины, больные, еле передвигают ногами, падают, и тут их сажают наши артиллеристы на сидения орудий и зарядных ящиков. Словом, где только можно в обозы и т.п. сажают и подвозят... Все убиты горем и несчастьем. Такая же плачевная картина и в городе Кара-Килис. Кругом слезы, плач и каждый житель армянин старается выбраться из места боевых столкновений с турками и курдами.

19 декабря наша рота была в сторожевом охранении за Кара-Килисом. Ночь провели тревожно. Было холодно. Заставы помещались в вырытых землянках, прикрытых палатками. Утром мы вернулись в город и уже 20-го декабря 1914 г. весь отряд выступил из Кара-Килисы на Ташлыгот-Суфлу. Сзади доносились взрывы. Ночлег был в [...] деревне Гергер.

21 декабря утром выступили на монастырь Сурп-Оганез через Ташлыгот-Суфлу. Снегу было очень много, и передвигались с трудом в особенности артиллерия и обоз. К 7 часам вечера пришли в монастырь Сурп-Оганез (Уч-Килисса). Монастырь очень громаден и совершенно пуст, из жителей и служителей ни души, 2 батальона свободно разместились внутри монастыря, и мы отдохнули до утра.

Этот монастырь очень древний, более 1500 лет как выстроен, по словам жителей. Стены и крыша купола все сделаны из камня. Громадные своды и красивая архитектура. Монастырь кругом обнесен высокой каменной зубчатой стеной и выстроен у подошвы горы, против протекает река Ефрат.

22-го декабря выступили на Диодин. 8-я рота была назначена в тыловую заставу, а отступление прикрывал 1-й Казачий Лабинский полк. Курды шли по пятам нашего отряда. Подойдя к селению Шекро (от Сурп-Оганез в 10-ти верстах) мы разместились по землянкам к 2 часам дня, так как здесь была назначена дневка. Не успели мы согреть чаю и устроиться по курдским хатам, как раздались орудийные залпы из батареи, стоящей на пригорке в 50-ти шагах от нас. Это наша батарея стала стрелять по наступающим курдам, которые скоро отступили к монастырю. Затем мы разместились по квартирам и отдохнули.

23 и 24 декабря было спокойно. Я устроился в конюшне с ротными лошадьми и буйволами, так как кроме было негде, да и везде плохо по курдинским хатам, то и гляди завалятся и придушат.

25 декабря. Сегодня рождество, но для нас проходит как обыкновенный день и скучно. Одно все вспоминают, как в эти дни все радовались в кругу своих семейств и что сейчас родные делают, и в этом духе велись разговоры до вечера.

26-го рота была в сторожевом охранении и прошло спокойно.

31 декабря. С утра началась перестрелка. Вечером наша рота выступила на поддержку одной роты нашего батальона и, отбив неприятеля, возвратились к 10 вечера.

Ровно в 12 час. у нас был готов чай и мы подняли по чашке горячего чаю, поздравили друг друга с наступлением Нового года, выпили чай и уснули сладко и мягко на полове. Я спал вместе с подпорщиком нашей роты Меликовым.